

— Эта... — Юн Ци с недоверием смотрел на Юн Шаня, после чего всё же убедился, что младший брат действительно собирается съесть её. Через мгновение он невольно произнес: — Эта сдобная лепёшка...

Но Юн Ци прервал себя на полуслове и снова замолчал, внимательно поглядев на лепёшку в руках Юн Шаня.

Это была та самая лепёшка, которую уже надкусил Юн Ци: за завтраком он сумел осилить одну, но, откусив кусочек второй, он тут же пожалел о своём решении, так как его желудок был уже полон. В итоге он положил злосчастную закуску обратно в корзинку.

— Что «эта»? — Юн Шань шутя передразнил Юн Ци, глядя на забавное выражение лица старшего брата.

— Она холодная...

— Неважно. — Юн Шань откусил лепёшку, следом направив в рот несколько кусочков солёной закуски. При взгляде на него создавалось впечатление, что он вкусил плод бессмертия — персик, зревший лишь раз в три тысячи лет в саду богини Сиванму[1], стараясь не упустить ни одной тончайшей нотки во вкусе этого дивного яства. Как только Юн Шань проглотил всё до единого кусочка, юноша промолвил: — Действительно вкусно. А холодным это есть ещё вкуснее.

Еда действительно оставила после себя приятное послевкусие. Правда, у Юн Ци создалось впечатление, что Юн Шань своей фразой подразумевал нечто другое. От такой мысли Юн Ци покраснел аж до кончиков ушей.

Юн Линь очень удивился, но от столь довольного вида Юн Шаня, поедающего остывший завтрак, аппетит юноши вновь пробудился, и он, сглотнув слюну, проговорил:

— Действительно настолько вкусно? Я тоже попробую.

С огромным воодушевлением юноша полез в бамбуковую корзинку и достал оттуда холодную лепёшку, снова зажав в пальцах палочки, чтобы взять закуску.

Юн Ци сразу выхватил палочки из рук Юн Линя, не сдержав смущения. Он вернул лепёшку, которую уже достал Юн Линь, обратно в корзинку и с мрачным лицом спросил:

— Ты больше не будешь играть в го?

— Но ведь старший брат Юн Шань ещё завтракает.

— Я уже закончил, — спокойно сказал Юн Шань.

Юн Линь прекрасно понимал, что его ожидает поражение. Поэтому, придав своему лицу самый что ни на есть страдальческий вид, ему не оставалось ничего другого, как послушно убрать всё со стола и заново разложить камни на гобане.

Расставив камни в точности, как было до этого, Юн Линь нахально взял ту самую пару белых камней Юн Ци, таким образом сделав свой ход. В его глазах сверкало упрямство.

Юн Ци занял своё место за столом. Без лишних слов дождавшись, когда Юн Линь сделает свой ход, юноша приступил к своему. Он взял белый камень и, опустив его на гобан, поглядел на младшего брата.

Юн Линь некоторое время почёсывал свой затылок, заметно взъерошив волосы, после чего задал вопрос:

— Разве нельзя выпустить мой камень? Ты же видишь, что у меня только одно свободное место!

— Как тебе не стыдно! — со смехом сказал Юн Шань, стоявший в сторонке. Отчитав Юн Линя, юноша взял чёрный камень и сделал ход за него.

Ход Юн Шаня казался случайным, но на самом деле таковым не являлся. Юноша тщательно обдумал стратегию, еще когда стоял за спиной Юн Ци. Юн Линь убрал два камня Юн Ци, так как положение стало ещё выгоднее, чем было до этого. Действительно, когда юноша сделал свой ход, Юн Ци сразу же остановился, задумавшись. Ход игры сменился, а потому необдуманные действия были непозволительны. Аккуратно взяв белый камень, Юн Ци очень долго вертел его в руках, обдумывая дальнейший план действий. После продолжительных размышлений белый камень наконец опустился на гобан.

Юн Линь скрестил руки на груди.

— Почему ты не ходишь? — Юн Шань поглядел на младшего брата.

Юн Линь хихикнул:

— Го — это игра для умных людей, а я себя таким не считаю. Этому чёрному камню конец, но если старший брат отыграет их назад, то в благодарность я подарю тебе целый кувшин соленьев.

Юн Шань косо посмотрел на него:

— Да кому нужны твои соленья? — И, снова подняв руку, юноша опустил камень на стол.

Юн Линь спросил у Юн Шаня:

— Не желает ли старший брат занять моё место за столом?

— Это ни к чему.

— Разве тебе удобно?

— Мне гораздо удобнее, когда ты не докучаешь своей болтовнёй.

После этой фразы Юн Линь умолк.

Как только Юн Линь перестал болтать, тишина в комнате стала звенящей. Юн Шань, в отличие от своего младшего близнеца, в сотню раз лучше играл в облавные шашки. И если для Юн Ци не составляло проблемы обыграть Юн Линя, то с Юн Шанем дело обстояло гораздо труднее. Поначалу маленькие камни Юн Ци занимали поле довольно бодро, давая шанс на победу, но постепенно чёрные камни Юн Шаня начали продвигаться всё дальше и дальше, захватывая всё больше пространства поля Юн Ци. С каждым новым ходом Юн Шань держался спокойнее и увереннее, чем во время предыдущего, совершая действия практически не задумываясь. Но этого отнюдь нельзя было сказать о Юн Ци. Каждый ход давался ему труднее, чем предыдущий, а чувства неловкости и стыда всё больше охватывали душу. Сжимая в пальцах белый камушек, рука юноши постоянно поднималась и подолгу зависала в воздухе, в то время как сам он колебался, не зная наверняка, куда лучше поставить свою фигуру.

Впервые за долгое время существования «братских уз» между Юн Шанем и Юн Ци они играли в облавные шашки. Казалось, будто бы та нерушимая крепкая стена, за которой скрывался Юн Шань, в один момент рухнула без чьей-либо помощи. Необыкновенное чувство воодушевления охватило душу, вынудив Юн Шаня непроизвольно улыбнуться.

Юн Ци как раз обдумывал свой ход, когда Юн Шань решил притвориться, что его терпение уже иссякло, и он наклонил голову, искоса поглядев на противника. Юноша наслаждался тем, как мягко падали косые лучи солнца на изящную руку Юн Ци, в которой он задумчиво сжимал камень, который ясно отражался в глазах младшего брата. Как же Юн Шаню хотелось сжать эту изящную ладонь в своих руках и обжечь поцелуем!

Рука Юн Ци затекла, столь долгое время вися в воздухе, но он так и не решался сделать свой ход и опустить камень. Сидевший напротив Юн Линь, выступавший в роли «группы поддержки», утомился следить за боем, о чём свидетельствовал его сонный зевок. Юн Шань же, подпирая щеку рукой, рассматривал Юн Ци, предаваясь своим внутренним размышлениям. Он думал, что даже если Юн Ци всю жизнь продержит этот камень в руке, так и не сделав свой ход, то просто сидеть рядом с ним и наблюдать за тщетными попытками юноши выйти из западни тоже вполне увлекательно. Однако, мгновение спустя Юн Шаня поразила другая мысль. Он приподнялся и приблизился к шее Юн Ци:

— Твоя рана выглядит намного лучше. — Должно быть, из-за дневного света, что заливал комнату, след от ожога в форме цветка сделался чуть более заметным. Оставшийся шрам выглядел намного светлее и меньше.

Почувствовав внезапное прикосновение Юн Шаня, Юн Ци, который старался думать о го, вздрогнул от испуга, и белый камень выпал из рук прямо на гобан.

Юн Шань слегка поглаживал рану на шее.

— Ты мазал тем лекарством, что я тебе прислал?

— Да.

Губы Юн Шаня растянулись в улыбке, а сам юноша, поднявшись с места, подошёл к двери зала и, подзвав к себе евнуха, что находился недалеко, приказал:

— В хранилище есть золотой веер, принеси его сюда и захвати нефритовую подвеску. Всё это передай Чан Дэфу, чтобы он отнёс к дворцовому лекарю Чжань Сяоганю в награду.

Слуга спешно сказал: «Слушаюсь», но перед тем, как идти исполнять приказ, он вновь осторожно спросил:

— Ваше Высочество, не хотите ли ему сказать, за что Вы его награждаете?

— Если я говорю вознаградить его, значит вознаградить! Не всё ли равно за что? Быстро отправляйся — одна нога здесь, другая там. — Юн Шань раздражённо поглядел на этого идиота и, отругав его, развернулся и вновь возвратился в зал.

Неожиданно воспользовавшись выпавшим шансом, Юн Ци уже вскочил с места и обратился в бегство. Притворяясь, что у него пересохло во рту, юноша подошёл к большому шкафу, что стоял в углу, и начал пить. Как только Юн Шань вернулся обратно, Юн Ци сразу же поглядел на него и произнёс:

— Я признаю своё поражение.

Юн Линь очень обрадовался и поднялся с места, чтобы размять мышцы. Подойдя к Юн Ци, юноша встал напротив него и улыбнулся:

— Ты, старший брат Юн Ци, каждый раз выигрываешь у меня в го, но, выходит, ты тоже можешь признать поражение. На этот раз моя очередь пожелать награду. Знаешь, что я хочу?

Юн Ци обернулся и пристально поглядел на него.

— Это ведь не ты одержал победу, так с чего вдруг ты просишь наградить тебя?

Юн Шань, с самого начала зная, что выигрывает, задумчиво поглядел на Юн Ци и спросил:

— Я выиграл, и какую же награду я должен получить?

Юн Ци не произнёс ни слова.

С самого детства Юн Ци был старшим сыном императора и с самого начала его статус немного отличался от статуса младших братьев. Он считался наследником престола, и уж тем более он не мог без формальностей общаться с обычным принцем. Юн Шань же часто наблюдал, как Юн Линь смеялся и перебрасывался шутками с Юн Ци, вот только сам юноша никогда не имел такой возможности. Затем Юн Ци по какому-то странному стечению обстоятельств свергли с престола и отправили в Наньлинь. С тех пор во дворце больше никто не шутил, а смех, что звучал до этого, и вовсе стих.

Поэтому Юн Шаню, что был всегда таким почтенным, серьёзным и холодным, похоже, всё-таки улыбнулась удача, и он мог также подшутить над Юн Ци, и хотя его слова были сказаны без раздумий, Юн Шань был робок и боязлив. Его зрачки подсознательно сузились, и он смотрел на Юн Ци, ожидая ответа.

К счастью, Юн Ци, после глубокого раздумья, хоть и был смущён, но всё же вымолвил:

— Проигравший пишет записку и отдаёт её победителю.

Юн Линь, витая в облаках, произнёс:

— Старший брат Юн Ци, раньше ты безжалостно меня наказывал. Разве сейчас не моя очередь мстить? Я не буду слишком жестоким, просто заставлю написать трактат «об основах игры в го» на тридцати бамбуковых дощечках, молча и за раз...

Но юноше не дали договорить. Юн Шань схватил младшего брата за воротник и потащил прочь, смеясь:

— Это я выиграл, разве сейчас твоя очередь влезать в чужой разговор и что-то требовать от Юн Ци? — И, выволовчив Юн Линя из зала, Юн Шань уже хотел было закрыть перед братом дверь.

— Старший брат! — Юн Линь спешно вытянул руку и, останавливая закрывающуюся дверь, шёпотом добавил: — На редкость он сегодня выглядит намного лучше и не боится тебя, как это было раньше, поэтому тебе стоит не упускать такой шанс и всё прояснить.

Юн Шань замер.

— О чём ты говоришь?

— А ты ещё не понял, о чём идёт речь? — задал Юн Линь встречный вопрос и, приблизившись к старшему брату, словно опасаясь, что их секрет раскроют, с эмоциями прошептал, совершенно позабыв о том, кому он это говорит: — Матушка говорила, что ты очень сильно любишь Юн Ци и не хочешь от него отказываться, однако ты сейчас на пути становления императором, поэтому тебе приходится быть с ним несколько жёстким и сдержанным. Я с самого начала и верил, и не верил. Я не ожидал, что ты вытащишь его из Дворца Наказаний, но ты оказался действительно жесток и лжив. Так или иначе, когда он находился во Дворце Наказаний, он был до смерти напуган! Да кто тебе сказал, что взять раскалённый жезл и обжечь им его шею будет хорошей идеей? Этот план под названием «я поставлю на нём клеймо, а потом буду сам валяться с гниющей раной несколько недель, чтобы вызвать у него жалость и сочувствие» действительно ужасен. Мне стоило немалых усилий развеселить его, и всё это я делал ради тебя. Я надеюсь, что вы оба уничтожите нависшее между вами недопонимание, помиритесь, и все трое братьев снова будут...

Юн Линь снова не договорил — Юн Шань захлопнул дверь прямо у него перед носом.

[1] Богиня Сиванму — Царица-мать Западного рая, хранительница персиков бессмертия. Одна из наиболее почитаемых богинь в даосском пантеоне.

<http://bllate.org/book/13372/1189560>